

На правах рукописи

Золотоверхая Ольга Владимировна

**ИДЕЯ АКТИВНОСТИ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В РУССКОМ ПРОВЕРБИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность 10.02.01- Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Савенкова Людмила Борисовна

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита состоится « » декабря 2011 г. в __ на заседании диссертационного совета Д 212.208.09 по филологическим наукам при Южном федеральном университете по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, факультет филологии и журналистики ЮФУ, ауд. 22.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Южного федерального университета (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан « » октября 2011 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Ф.Г. Самигулина

XX век в мировом языкознании породил новый всплеск интереса к про-

блемам взаимосвязи языка и культуры. Язык действительно активно влияет на сознание его носителей (хотя языковое мышление и не является единственным типом мышления человека). Взаимодействие языка и национальной культуры открывает уникальную возможность по данным языка восстановить детали исторического прошлого этноса и выявить картину мира, существующую в сознании современного носителя языка.

Жизненный опыт русского народа, накопленный в течение столетий, представлен в традиционных поговорках – пословицах и поговорках, которые позволяют охарактеризовать типичные ситуации, рекомендуют определенную модель поведения в той или иной из них, прогнозируют ход событий в случае проявления субъектом того или иного вида активности.

В конце XX века проverbsиальное пространство русского языка стало расширяться за счет так называемых «антипословиц» – современных аналогов, вариантов и трансформов пословиц и поговорок, ведущей функцией которых нередко выступает людическая (игровая) (Вальтер, Мокиенко 2005). Паремии, обеспечивая наряду с другими языковыми единицами полноценную коммуникацию, отражают специфику народной психологии и философии.

В современной динамичной жизни человек сталкивается с новыми явлениями и вынужден реагировать на непредвиденные ситуации. Чтобы органично существовать в таком мире и соответствовать новым стандартам жизни, человеку необходимо проявлять активность как способ противостояния неудачно сложившимся обстоятельствам, преобразования действительности в интересах индивида или социума и т.д. От того, насколько активен субъект, зависит, как он проживает жизнь, какое место занимает в обществе, какое мнение о нем складывается у других людей.

Исследователи различных областей знания изучают активность с теоретических позиций и излагают свое понимание данного феномена (Ананьев 1960; Ануфриев 1997; Анцыферова 2006; Батаршев 2006а; 2006б; Бехтерев 1996; Венгер 2006; Волков 2005; Выготский 1981; 1999; КФЭ 1994; Галустян

2005; Гуревич 1999; Касицына 2007; Крупнов 1984; Лисина 1997; Литвак 1992; Мадди 2002; Петровский 1996; Плотникова 2002; Ришар 1998; Семенов 2006; Шрейбер 2006 и мн. др.). Но вследствие того, что активность выступает универсальным свойством субъекта-человека, сами эти субъекты стихийно также формируют представление о сути активности и вырабатывают свое отношение к ней. Народная психология и философия отражается в образе жизни, поведении, поступках носителей языка и фиксируется в пространстве устойчивых формул – традиционных паремий и антипословиц, иначе говоря – в провербиальном пространстве (термин Ю.И. Левина 1998).

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью заполнения лакун в воссоздании динамики русской языковой картины мира, в том числе в выявлении ценностной характеристики активности в сознании носителей русского языка XIX – XXI столетий. Лингвокультурологические и лингвокогнитивные исследования русского провербиального пространства проводятся активно (Савенкова 2002; Селиверстова 2010), а также (Добровольский 1997; Лаврова 2003; Жукова 2006; Иванова 2006; Долевец 2008; Кравцов 2008; Мирзаева 2008; Бутько 2009; Погребняк 2010; Полупан 2011), но, насколько известно автору настоящей диссертации, проблема осмысления феномена активности до сих пор почти не попадала в поле зрения отечественных паремиологов. Между тем идея активности пронизывает все провербиальное пространство, проявляясь в паремиях, которые касаются различных аспектов человеческого бытия, и выполняя в нем структурообразующую роль, что и повышает степень важности обращения к теме.

Объект исследования составляют русские паремии XIX и антипословицы конца XX – начала XXI веков, отражающие представления носителей русской лингвокультуры об активности субъекта-человека в биологическом, социальном и личностном аспектах.

Предметом данного исследования является паремиологическая характеристика поведенческой активности субъекта-человека и динамика отражения в провербиальном пространстве русского языка структуры человеческой

активности.

Цель данной работы состоит в выявлении отражения особенностей народного аксиологического восприятия активности в русских пословицах и поговорках XIX века в сопоставлении с современными антипословицами.

Поставленная цель определила следующие **задачи исследования**:

1) обобщить современные научные (главным образом, психологические) представления о феномене активности;

2) на основе изучения трудов по теории паремиологии сформулировать рабочие определения терминов «паремия», «пословица», «поговорка», «антипословица», «провербиальное пространство»;

3) посредством анализа материалов толковых словарей определить, какие признаки понятия «активность» отражает обыденное сознание носителя русского языка;

4) исследовать способы и средства репрезентации субъекта активности в русских традиционных паремиях и антипословицах;

5) выявить особенности структуры активности (цели, мотивы, сценарии, способы проявления), отраженные в провербиальном пространстве русского языка;

6) определить динамику восприятия активности в традиционном и современном русском языковом сознании.

Материалом для исследования послужило 4878 пословиц и поговорок из упомянутого сборника В.И. Даля, а также 1792 антипословицы из словаря Х. Вальтера, В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (М., 2005). Материал извлекался из этих источников методом сплошной выборки, причем для отграничения активности как источника деятельности или как интенсивной целенаправленной деятельности от деятельности как таковой в выборку включались только те единицы, в которых эксплицитно или имплицитно содержалось указание на наличие цели в соединении с действием (ментальным, вербальным или моторным) либо с обозначением результата деятельности. Обращение к современным антипословицам сознательно не учитывало,

что определенная часть паремий, бытовавших в XIX столетии, продолжает функционировать и сегодня, так как задачей анализа было выявление того ментального сдвига в оценке активности, который возник в наши дни по сравнению со временем, когда В.И. Далем был опубликован сборник «Пословицы русского народа».

В работе применяются **методы** дефиниционного, логико-семантического, лексико-семантического, лингвокультурологического, лингвокогнитивного, синхронно-сопоставительного анализа и элементы количественно-статистического анализа как наиболее эффективные для решения поставленных задач.

Промежуточные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Южного федерального университета, а также прошли **апробацию** на научном лексикографическом семинаре в Смоленском гуманитарном университете (Смоленск, 2006), на международных научных конференциях «Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования» (Самара, Самарский государственный университет, 2006), «Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты», «Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты», «Язык как система и деятельность – 2» (Ростов н/Д., Южный федеральный университет, 2007, 2009, 2010), «Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме» (Украина, Каменец-Подольский, Каменец-Подольский национальный университет, 2009), «Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания» (Краснодар, Кубанский государственный университет, 2011), на IV Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, МГУ, 2010), на Международном научном симпозиуме «Жуковские чтения» (Великий Новгород, Новгородский государственный университет, 2011). Основные положения исследования отражены в 11 работах общим объемом 2,4 п.л. В их числе одна статья, помещенная в журнале из перечня, рекомендованного ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследова-

ний, одна – в журнале из перечня, рекомендованного ВАК Украины.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В силу универсальности и значимости активности для человеческого бытия она относится к числу объектов пристального внимания носителей русской лингвокультуры. При этом представление об активности в обыденном сознании так же неоднородно, как понятие о ней в научных исследованиях.

2. Элементы русского провербиального пространства, семантика которых связана с осмыслением активности, могут быть охарактеризованы как принадлежащие ядерной и периферийной зонам. Маркерами принадлежности каждой поговорки или антипоговорки к той или иной зоне служат как лексические, так и грамматические средства.

3. Важную роль в характеристике активности играет фигура субъекта ее реализации. При совпадении оснований для выбора номинации субъекта в традиционных поговорках и современных антипоговорках наблюдается семантический сдвиг в группе его обобщенных наименований, смещение оценочных акцентов в рамках каждой группы конкретных номинаций субъектов и почти полный отказ от использования символьных анималистических наименований. Все эти изменения связаны с изменениями характера менталитета современного носителя русского языка и изменениями самой среды создания новых поговорок.

4. Потенциально дидактическая сущность поговорок и пословиц делает нецелесообразной характеристику и оценку в традиционном провербиальном пространстве поисковой активности, тогда как адаптивная активность характеризуется детально. В современном фонде антипоговорок возникает довольно заметный слой единиц (около 10%), где поисковая активность все же находит специфическое преломление.

5. Отображение мотивов активности в провербиальном пространстве показывает, что наиболее значимыми из них в народном сознании были и остаются мотивы повышения комфортности существования субъекта активно-

сти и близкого ему окружения.

6. В пространстве современных антипословиц заметно снижается набор отображаемых сценариев проявления активности, что связано с игровым характером новых паремий.

7. Ведущую роль в изменении отношения к активности в русском провербиальном пространстве играет изменение ценностных установок общества.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые анализируется отражение народных представлений об активности, содержащихся в пространстве русских паремий, дается классификация субъектов активности с определением особенностей их лексико-грамматической репрезентации и определяются сдвиги в их соотносительной значимости; впервые рассматривается отражение структуры активности (цели, мотивы, сценарии, результаты, способы проявления) в ее динамике на фоне константных черт, объединяющих оба сопоставляемых пласта единиц; впервые в провербиальном пространстве русского языка, определяются лексические и грамматические средства реализации этой структуры и изменение народного отношения к проявлениям ментальной, вербальной и деятельностной человеческой активности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в совершенствовании методики воссоздания динамического фрагмента провербиальной картины мира, в уточнении процессов формирования когнитивной базы русского традиционного и современного языкового сознания, в разработке полиаспектной типологии субъектов человеческой активности, охарактеризованных традиционными паремиями и современными антипословицами, в выявлении механизмов демонстрации структуры активности и иерархии ее составляющих в русском провербиальном пространстве на двух временных срезах (XIX и XX – начало XXI веков).

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты настоящего исследования могут быть востребованы в вузовских спецкурсах по лин-

гвокультурологии, паремиологии, языку фольклора, лексикологии, фразеологии, лингвокогнитологии, а также при составлении паремиологического словаря идеографического типа.

В соответствии с задачами исследования диссертация имеет следующую **структуру**: Введение, три главы, Заключение, Библиография.

В первой главе «**Основные понятия и термины исследования**» раскрываются его теоретические основания. В частности, излагаются взгляды философов и психологов на феномен активности, в том числе и на человеческую активность, формулируются рабочие определения терминов «пословица», «поговорка», «антипословица», «провербиальное пространство».

В §1 «**Активность как научное и обиходное понятие**» констатируется, что в современной науке существует ряд толкований термина «активность» и его гипонима «человеческая активность». В самом общем виде активность оценивается как универсальное свойство материи, ее способность или готовность к деятельности либо высокая степень проявлений деятельности, ее интенсивность. При рассмотрении активности субъекта-человека психологи рассматривают ее как источник непрерывного развития человека в процессе онтогенеза. Активность субъекта можно трактовать двояко: как меру деятельности (активность-1) или как источник/причину деятельности (активность-2).

Обыденные представления носителей языка о сущности активности на лексико-семантическом уровне также неоднозначны. Словарные толкования представляют активность то как форму, то как меру деятельности.

Основными характеристиками активности человека являются наличие у него цели и мотива деятельного поведения (или осознанного стремления к планомерному целенаправленному осуществлению действия), а также выраженное отношение субъекта к осуществляемой им деятельности, которое проявляется в эмоциональной оценке отдельных видов активности.

Одни ученые называют главным условием проявления активности сформировавшуюся у индивида установку, другие – его потребности. При отсутствии у субъекта цели взамен активности можно говорить о «суетливой» дея-

тельности, которая не направлена на результат и потому не предполагает его достижения.

Разнородность проявлений активности обусловлена триединой (биологической, социальной и психоинтеллектуальной) сущностью человека при доминировании социального начала. Выделяют надситуативную активность как форму жизни субъекта и различные виды активности (трудовую, творческую, коммуникативную и др.) в зависимости от сферы деятельности. И первая, и вторые отражаются в поведенческой активности, формируемой на основе стихийного или специально организованного обучения.

С функциональных позиций активность может быть адаптивной, приспособляющей субъекта к ситуации, и продуктивной, инновационной. Первая опирается на мотивацию достижения успехов или избегания неудач в зависимости от адекватного или неадекватного уровня притязаний личности, вторая реализует потребность человека в получении нового знания. В процессе адаптивной деятельности возникновение новой для субъекта ситуации, еще не освоенной в его личном опыте и потому провоцирующей стрессовые состояния, вызывает у него особый вид активности – поисковую.

В §2 «**Пословица и поговорка как элементы провербиального пространства**» отмечается, что многоаспектность современных филологических исследований и богатая дотерминологическая история семантики лексем *пословица*, *поговорка*, *паремия* обусловили возникновение целого ряда нетождественных и при этом внутренне непротиворечивых терминосистем, включающих одноименные термины. Признавая, что каждая из них, отражая специфику выбранного исследователями аспекта исследования и некой «точки отсчета» (следование терминологической традиции, сложившейся к XIX веку, учет появления в 40-е годы XX века фразеологии как самостоятельной отрасли лингвистики, приоритетность семантического или прагмалингвистического фактора) при выстраивании терминосистемы, автор настоящего диссертационного исследования считает целесообразным не выявлять абсолютную самоценность, предпочтительность одной терминосистемы для всех изысканий

в области паремиологии, а лишь указать приемлемую для достижения цели данной работы совокупность рабочих определений используемых в ней терминов.

Родовой номинацией для единиц, составляющих материал исследования, выступает термин «паремия», под которой в согласии с позицией Л.Б. Савенковой понимается «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических целях» (Савенкова 2002). Пословица и поговорка выступают при этом в виде терминов-гипонимов, а определяемые ими устойчивые фразы противопоставляются друг другу по наличию/отсутствию в их семантике (по сравнению с семантикой деривационной базы) ассоциативного (метафорического или метонимического) переосмысления.

В сознании носителя языка паремиологический корпус существует как провербиальное пространство – упорядоченная совокупность потенциально дидактических изречений, связанных многообразными парадигматическими отношениями. Его системный характер обусловлен тематикой, логикой, характером образности, прагматической установкой паремий.

В §3 «Определение термина антипословица, семантико-прагматическое своеобразие и функции антипословиц» отмечается, что в современной речи наряду с традиционными паремиями в провербиальное пространство активно входят так называемые антипословицы – возникающие на основе языковой игры паремиологические трансформы (*Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет* → *Заставь чиновника с инфляцией бороться, он и промышленность расшибет*; *Сегодняшней работы на завтра не покидай!* → *Не откладывай на завтра то, что вообще делать не надо*) или формальные аналоги существующих пословиц и поговорок (*Друзей надо кормить, а то разбегутся*; *Оспи телеграфному столбу не привьешь*). Их появление в основном обусловлено двумя причинами: стремлением к языковой шутке (*Сытый конному не пеший*; *Мял золотник до дырок*) и изменением ценностных установок общества (*Перековать мечи на орала проще, чем найти желающих пахать*;

В честной борьбе всегда побеждает жулик). Во втором случае наблюдается тенденция к уходу от прямого дидактизма, стремление скрыть назидание за языковой игрой.

Во второй главе «Динамика репрезентации субъекта активности в русском провербиальном пространстве» предпринимается попытка создания обобщенного портрета субъекта активности и выявления типов субъектов активности в соответствии с их индивидуально-личностными характеристиками, а также в их семейных, гендерных, возрастных, этнонациональных, профессиональных и некоторых иных связях.

В §1 «Характер номинации субъекта активности в русской паремике» доказывается, что в характеристике феномена активности важную роль играет характеристика ее субъекта. Субъект активности прямо называется в 1719 паремиях из 6670.

Основания для выбора номинации субъекта в обоих анализируемых пластах паремий остаются одними и теми же. В провербиальном пространстве обнаруживаются обобщенные номинации субъекта активности (*человек, душа, люди, народ, мы*), номинации коллективных субъектов с учетом социального параметра (*мир* 'крестьянская община', *Госдума, суд, сепаратисты* и др.), наименования субъектов-индивидов (*мужик, смерд, холоп, сваха, жнея, хромой, резвый, архимандрит, монах, экономист, генетик, тренер, предприниматель, студент, студентка-медичка, синоптик, политик, лесник* и мн. др.). Однако перечень обобщенных наименований несколько меняется: в антипословицах слова *народ* и *человек* не включаются в круг обозначений субъекта активности, а местоимение *мы* снижает активность в рамках оппозиции «свои – чужие», сохраняя ее лишь в частных противопоставлениях субъектов, принадлежащих к этнонациональному сообществу россиян, сообществам субъектов, живущих в других странах, и субъектов, объединяемых по гендерному признаку. При обозначении индивидов с помощью апеллятивов очевидным становится изменение социально-профессионального расслоения общества в новых условиях. В антипословицах под влиянием изменения со-

става создателей новых паремий – городских жителей наблюдается почти полный отказ от использования символических анималистических наименований.

Обобщающие номинации используются либо при указании на специфику человеческих потребностей в отличие от других живых существ (*Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше*), либо на разницу в потребностях и степени результативности в достижении поставленной цели между субъектом речи и другими субъектами активности (*Люди думают, до чего-нибудь додумываются, а мы думаем, из раздумья не выходим*). Коллективный субъект, вне зависимости от характера активности (продуктивной или деструктивной), как правило, представлен как достигающий своей цели.

Номинации субъектов-индивидов характеризуют их с учетом различных параметров: 1) постоянных либо переменных индивидуальных, в том числе и личностных характеристик субъектов активности; 2) родственных связей; 3) гендерного фактора; 4) возраста; 5) национальности; 6) социального положения; 7) профессиональной принадлежности.

В §2 «Индивидуально-личностные характеристики субъекта активности в традиционных паремиях и антипословицах» выявляются константные и переменные характеристики субъекта активности.

В кругу постоянных признаков субъекта упоминаются физические характеристики индивида. При этом в традиционных паремиях гораздо более значительное внимание, чем физически полноценным, уделено физически ущербным субъектам, о которых, однако, говорится, что они достигают поставленных целей (*Горбун прямика перехитрит*). В современных антипословицах акценты распределены количественно более равномерно. При этом отмечается, что отрицательно оцениваемые физические качества не препятствуют результативности активности их обладателей (*Бойтесь хромых – накостыляют!*).

Переменные физические состояния (болезнь – здоровье, опьянение – трезвость, голод – сытость) в обоих пластах паремий тождественны, как то-

ждественна и оценка активности подобных субъектов: чаще отмечается низкая результативность или отрицательное отношение общества к их активности. Разницу можно заметить только в оценке голодного человека: в традиционных поговорках голод выступает мощным стимулом к достижению цели (*Голодный откусил бы и от камня*), а в антипоговорках отмечается лишь, что удовлетворение голода намного повышает степень комфортности существования человека (*Счастье, может, и не в еде, только какое счастье может быть на голодный желудок?*).

С точки зрения интеллектуального потенциала наиболее активными предстают индивиды с низкими умственными способностями. Их активность, проявляющаяся в наличии инициативы, предстает как опасная для общества. В традиционной поговорке ум выступает как средство, позволяющее накопить жизненный опыт, а опыт в свою очередь позволяет субъекту выбрать нужный сценарий активности (*Глупый ищет большого места, а умного и в углу знать*). Однако в современных изречениях появляется и новая мысль: умный субъект активности может пострадать от собственной находчивости (*Нашедшего выход затапывают первым*). Антипоговорки, где субъект эксплицитно назван, не оценивают его с точки зрения накопленных практических знаний. Зато обнаруживается активная игра с афоризмом, в котором сценарий активности разворачивается то в соответствии с генетическими задатками субъекта, то в противовес им: *Рожденный ползать упасть не может; Рожденный брать давать не может; На запах добычи слетелись рожденные ползать* и др.

При сосредоточенности внимания на личностных качествах субъекта и их оценке традиционные поговорки упоминают и положительные, и отрицательные качества, а антипоговорки – почти исключительно негативные.

Характеристика материального благосостояния субъекта активности релевантна только для пространства традиционных поговорок, параметр «богатство/бедность» в этом плане в антипоговорках не рассматривается.

Наряду с использованием для номинации субъектов активности апелля-

тивов с агентивной семантикой в провербиальном пространстве используются и имена собственные, в том числе прецедентные имена. Если прецедентное имя в традиционных поговорках вводится для того, чтобы отослать к прецедентному тексту (*Ирод клянется, Иуда лобзает, да им веры неймут*), то в современных антипословицах можно говорить лишь о стремлении к комическому эффекту (*Вышла Василиса Прекрасная за Ивана Дурака и стала Василиса Дурак*).

Кроме наименований лиц, для обозначения субъектов активности используются и анимализмы (*Пила бы пиявка еще, да залубенело брюшко*). Однако современное провербиальное пространство почти не пополняет перечень субъектов активности за счет наименований представителей фауны, а лишь использует их изредка для проведения параллели или создания контраста между образом человека и животного (*Пусть конь думает – у него голова больше*).

§3 «Паремиологический портрет субъекта активности в его биосоциальных связях» демонстрирует сдвиг в характеристиках и оценках субъекта активности, рассматриваемого в его семейных и гендерных отношениях и с учетом возрастного параметра.

Субъект, проявляющий активность в рамках родственных связей, перестает характеризоваться по соответствию/несоответствию семейной роли (*С кем поведешься, тот и отец ребенка; Чтобы хорошо провести время, нужно провести жену и тещу*), а количество самих упоминаемых ролей значительно сужается (чаще всего упоминаются только ближайшие кровные родственники: отец, сын, дети, дитя, родители – и муж с женой), что свидетельствует о снижении роли института семьи в жизни социума.

Гендерная оппозиция «мужчина – женщина» не только сохраняет свою актуальность, но является едва ли не самой реализуемой в поле антипословиц. При этом явно видно, что как субъект активности женщина выдвинулась на лидирующие позиции (*Если женщина вас любит, будьте бдительны: дело может закончиться бракосочетанием; Мужчина работает сколько может,*

а женщина – сколько надо; Этим миром управляют мужчины, управляемые женщинами).

Разделение субъектов активности по возрасту стало более контрастным. Если в традиционных поговорках можно было выделить такие возрастные стадии, как «дитя», «молодой», «зрелый», «старый», то в антипоговорках основным осталось противопоставление детей взрослым и иногда упоминаются старые люди, не сопоставляясь, однако, с молодыми. Не актуализируется, как прежде, идея активности в целях передачи жизненного опыта, а взрослые представлены либо критикующими чужих детей, либо не желающими обременять себя воспитанием своих (*От чужих детей мы требуем, чтобы они вели себя так, как должны были бы вести себя мы; Дети – это цветы, но пусть они растут на чужой клумбе*).

В §4 «Этническая и социальная характеристика субъекта активности в русском поговорочном пространстве» выявлено, что, характеризуя субъектов активности с учетом этнонациональной специфики, традиционные поговорки больше внимания сосредоточивали на инородцах, проживающих рядом с русскими в одном государстве, чем на иностранцах, причем первые почти всегда характеризовались отрицательно, как носители аморального начала (*скупцы, обманщики, любители поживиться за чужой счет и т.п., ср.: Цыган ищет того, как бы обмануть кого; Хохол не соврет, да и правды не скажет*), а вторые – как отрицательно (когда речь идет о представителях конкретных этносов, ср.: *Пуганый француз и от козы бежит*), так и положительно (абстрактный иностранец (*немец*) – носитель творческой активности: *Немец хитер: обезьяну выдумал*). В современных антипоговорках упоминаются жители других стран, причем подчеркивается, что они находятся в лучших условиях для проявления активности, чем русские: *Американцы работают, если платят хорошо. Русские работают, если платят – хорошо!* Оценка активности самих русских по сравнению с традиционными поговорками негативировалась: *Из двух зол русские выбирают оба; Самая везучая на свете женщина – русская: все всегда везет на себе*.

Социальная характеристика субъектов активности на каждом из двух анализируемых временных срезов отражает развернутую структуру общественных связей. Традиционные паремии неоднократно обращаются к характеристике священнослужителей, предъявляя к их активности строгие моральные требования. В современном паремиологическом фонде не возникло ни одной антипословицы, посвященной духовенству, что соответствует формальной отделенности церкви от государства.

Стабильной критике подвергается неудовлетворительное исполнение работы, в которой человек по роду занятий должен быть специалистом. Однако в паремике XIX века чаще акцентируется внимание на стремлении исполнителя работы обмануть заказчика, получить выгоду себе (*Приказный и со смерти на вино просит; Лекарь свой карман лечит*), а в современных антипословицах на первый план выступает осмеивание непрофессионализма: *Синоптики никогда не врут: они прогнозируют; Историк – это фантаст, описывающий прошлое.*

В третьей главе **«Структура активности и ее отражение в русском провербиальном пространстве»** выявляются обыденные представления о структуре активности, выраженные средствами паремиологического подуровня языковых знаков: о постановке субъектом цели, о мотивации проявления/непроявления активности, об осуществлении надситуативной активности, об основных способах реализации активности (ментальном, вербальном, деятельностном). Анализируется динамика отношения носителей русского сознания к активности и способы представления этого отношения в традиционных паремиях и современных антипословицах.

В §1 **«Мотивация активности в русских паремиях»** обращается внимание на то, что потенциальная дидактичность паремий обуславливает предпочтение осмысления адаптивной активности по сравнению с инновационной. Однако в отличие от традиционного провербиального пространства современный фонд антипословиц содержит довольно заметный слой единиц (около 10%), где на детальное представление адаптивной активности нала-

гается отображение поисковой активности. Правда, новые поговорки отмечают ориентацию такой активности не на удовлетворение общей потребности в открытии нового знания, а на поиск новой интерпретации полученной ранее информации, что в свою очередь помогает все той же адаптации субъекта активности в некомфортной для субъекта ситуации.

Не все элементы русского поговорочного пространства, отражающие осмысление активности, в равной степени сосредоточены на исследуемом феномене. В ядерную зону фрагмента этого пространства, обращенного к мысли об активности субъекта-человека, входят изречения, содержащие сведения о цели, мотиве и результате его деятельности. Маркерами принадлежности каждой поговорки или поговорки к ядерной зоне служат лексико-грамматические и собственно грамматические средства. В частности, указанию на наличие цели и мотива способствует введение в состав поговорки предлогов целевой семантики *для* и *ради*, глаголов *хотеть*, *желать* и их аффиксальных производных, союза цели *чтобы*, вводящего придаточную часть сложноподчиненного предложения. Идея наличия/отсутствия цели обозначается отсутствием или наличием отрицания *не*, свидетельством интенсивности/неинтенсивности деятельности выступают наречия *много/мало*, *больше/меньше*, *долго/недолго* и т.п., о достижении/недостижении цели в частных случаях можно судить по использованию глаголов в форме совершенного или несовершенного вида. В случаях, когда в поговорках не эксплицируется какой-нибудь элемент структуры активности, хотя косвенные отсылки к нему имеются, единицы следует охарактеризовать как принадлежащие периферийной зоне.

Позитивное определение цели выражается рядом мотивов, создающих обобщенный «образ желаемого будущего». Их экспликацию можно обнаружить в 99 традиционных поговорках. Состав мотивов проявления активности, упоминаемых в поговорке, значительно отличается от перечня, называемого в научных трудах по психологии. Лидирующие позиции в их кругу занимают два мотива: 1) мотив к получению результата деятельности, в том числе к

созданию комфортных условий жизни для себя, например, путем получения материальных благ или иной выгоды (34 единицы); 2) мотив к созданию для других, близких субъекту активности людей комфортных условий жизни или таких условий, которые кажутся рациональными субъекту активности (41 единица). Остальные мотивы – внутренней увлеченности самим достижением цели, интереса субъекта к результатам своей деятельности, стремления сформировать себе привлекательный имидж в глазах окружающих, достижения более высоких результатов деятельности, чем окружающие, самоуважения – упоминаются несоизмеримо реже, от двух до шести раз каждый.

В §2 «Сценарии реализации активности и их репрезентация лингвистическими средствами» анализ материала дается в соответствии с конкретикой отображаемых в провербиальном пространстве ситуаций.

Традиционные паремии касаются всех трех ипостасей субъекта активности: биологической, социальной и психоинтеллектуальной. В биологическом плане пословицы и поговорки характеризуют сценарии удовлетворения голода (*Голодный и в портках хлеба украдет*), заботы о здоровье (*Больной от могилы бежит, а здоровый в могилу спешит*), сохранения жизни (*Живи, чтоб татары сидячего не накрыли*), работы и отдыха как двух сменяющих друг друга форм жизнедеятельности (*Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится; Мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем*), смерти как завершения земного бытия человека (*Рысью от смерти не уйдешь*). Социальная ипостась существования в паремиях отдает приоритет активности в семье, где подчеркивается ведущая роль мужчины и подчиненная – женщины (*Дом вести – не бородой трясти; Муж кует, жена дует, что-то будет; Подумаю с подушкой, а после спрошусь с женошкой*), и межличностных отношениях с близкими людьми, где указывается важность дружбы (*На себя поступи, а друга побереги; Своих друзей наживай, а отцовых не теряй*). Кроме того, рекомендуется проявлять гостеприимство (*Что есть в печи, все на стол мечи;*), соизмеряя его с экономическим положением семьи (*Зови гостей меньше, так хлеба будет больше; При дороге жить – всех не угостить*),

и своевременно рационально регулировать финансовые и имущественные отношения с чужими людьми (*С кем знаться не хочешь, тому дай денег взаимы; Заплатить долг скорее, так будет веселее*). Подробно обсуждается сценарий присвоения чужого имущества, допускающий две различных реализации в зависимости от типа его участников: осуждается посягательство на чужую личную собственность (*Вор ворует не для прибыли, а для гибели*), но лояльно воспринимается обогащение за счет государства (*Казна – не убогая вдова: ее не обберешь; Казна – шатущая корова: не доит ее ленивый*).

Народное сознание не проводит четкой границы между социальным и психоэмоциональным началом проявлений активности, точнее, второе выступает как обусловленное первым. Здесь обсуждаются сценарии обмана, пьянства, охранения чести, самооценки социального поведения субъекта, делания и получения добра. В психоэмоциональном пространстве оценке подвергаются сценарии положительного эмоционального настроения (рекомендуется моделирование ситуаций психологической комфортности для субъекта и объекта (другого индивида или группы индивидов) активности), смелости (ее наличие одобряется, но признается, что она присуща далеко не всем и необходима в критических ситуациях; в таких случаях оправдывается даже аморальное поведение субъекта, наносящее ущерб другим участникам ситуации).

Паремии демонстрируют предпочтение конструктивной активности, хотя и признают существование деструктивной. Оправданной признается деструктивная активность, нацеленная на уничтожение недруга или повышение комфортности субъекта и его дружественного окружения.

В качестве помех к достижению цели называются особенности самого субъекта, присущие ему как константные или приобретаемые со временем, либо не зависящие от него факторы (несоизмеримость потенциалов субъекта с масштабом цели или объекта активности, противодействие других участников ситуации, отсутствие искомого объекта и т.д.).

В пространстве современных антипословиц значительно ослаблена дидактическая функция, на смену которой приходит людическая. Стремление

заглянуть в «изнанку жизни», оправдать аморальную и антисоциальную деятельность, подойти к оценке своего поведения с значительной долей снисходительности подталкивает создателей антипословиц к сужению круга сценариев активности до небольшого перечня, включающего употребление алкоголя (*Жизнь – словно замкнутый круг: живешь – выпить хочется, выпьешь – жить хочется*), взаимоотношение полов (*Любите женщину – она научит вас уважать свободу*), достижение материального благополучия, часто в ущерб другим субъектам (*Люби ближнего, но и дальнего не забывай объегорить по-родственному*), лидерство в социуме (*Сегодня политика – это спектакль, где каждый мечтает сыграть историческую роль*), отыскание позитивных моментов в сложившейся ситуации взамен проявления активности для изменения самой ситуации в лучшую сторону (*Когда под глазом ставят фонарь, многое становится виднее*). В каждом из этих сценариев в шутовой или иронической форме оправдывается нарушение субъектом активности моральных норм, если оно способствует повышению комфортности его существования. Как и в традиционных поговорках, в антипословицах констатируются ситуации проявления деструктивной активности, причем ее наличие признается обыденным делом (*Было бы колесо, а желающие вставить в него палку найдутся*). Изменение отношения к активности в современном русском провербиальном пространстве по сравнению с традиционным предстает как результат трансформации ценностных установок социума. Сегодняшняя реальность демонстрирует рост осознания индивидом его самоценности и его права на собственный выбор линии поведения с целью повысить уровень собственной комфортности без ориентировки на общественную мораль (*Сам погибай, а товарища убивай*).

Кроме адаптивной активности, антипословицы оценивают и поисковую активность, представляя ее, однако, в специфическом ключе: ее проявление нацелено не на достижение нового знания как самоцель, а на отыскание новых аргументов в пользу создавшейся жизненной ситуации.

§3 «Мысль, речь, дело как способы проявления человеческой актив-

ности» посвящен вопросу осмысления в поговорочном пространстве способов проявления активности – ментального, вербального и собственно деятельностного. Все они оцениваются в ракурсе обнаружения факторов, мешающих достижению гармоничности бытия. От XIX века к XXI количественное соотношение суждений о различных способах реализации активности меняется незначительно, хотя и наблюдается перевес в сторону характеристики деятельностной активности с 31,85% до 37,5% с уменьшением доли единиц, характеризующих и оценивающих мыслительную деятельность с 20,56% до 16,18%. Однако наблюдается изменение некоторых акцентов в осмыслении каждого из трех способов.

Паремии обеих эпох объединяет признание национальной чертой русских мыслительной пассивности (*Русак умен, да задним умом; Англичанин мыслит сидя, француз стоя, американец прохаживаясь. Русский думает потом*). Однако в XIX в. это качество не осознается как серьезный недостаток, а мыслительная активность не расценивается как решающее условие успешного и комфортного бытия, тогда как в современности она ценится высоко. Признание ценности ментальной активности соединяется с указанием на то, что результативная мыслительная активность присуща немногим субъектам и приносит результат только в соединении с деятельностной активностью. В целом можно заметить, что современное сознание придает мышлению большую значимость в создании комфортных условий жизни, чем традиционное, и анализирует ментальную активность более детально.

Вербальная активность в традиционной паремике в целом оценивается отрицательно. Рекомендуется относиться с осторожностью к ситуативной речевой активности, соизмеряя ее с социальным статусом, имущественным положением собеседника, его гендерной характеристикой и психоэмоциональными качествами: *Начальство не свой брат: много говорить не станешь; Барин говорит горлом, мужик горбом; Стоячему с сидячим трудно говорить*. В антипоговорках, где вербальная активность также упоминается часто, сохраняется указание на общественную весомость участника коммуника-

ции, но утрачивается мысль о значимости его материального благосостояния, ср.: *Разговаривать со старшими по званию полагается молча; Трудно не слушать того, кто выступает на броневике*. Новым сценарием является сценарий вербальной активности народа по отношению к власти: *На критику снизу обычно отвечают молчанием сверху; Демократия – это когда народ может свободно посылать власть туда, где он сам находится*. Параметры коммуникативного акта, по мысли антиполовиц, определяют личностную характеристику и жизненную позицию субъекта активности. В отличие от традиционных паремий, современные изречения не осуждают хвастовство, а расценивают его как проявление необходимой самопрезентации индивида (*Сам себя не похвалишь – никто тебя не похвалит*), лояльно относятся к использованию обсценной лексики (*Мы матом не ругаемся, мы на нем разговариваем*).

При рассмотрении деятельностной активности традиционное народное сознание обращает внимание на ее качество, интенсивность, скорость, масштаб, трудоемкость и результативность. Интенсивность признается оправданной (*Делай свое дело за семерых, а слушайся одного!*), быстрота действий выступает как фактор, часто снижающий качество результата (*Поспешишь – людей насмешишь*). Подчеркивается, что результативности деятельностной активности способствует предшествование ей ментальной активности (*Начиная дело, о конце помышляй!*).

В современном сознании на первый план выдвигаются масштаб активности и качество достигаемого результата (*Если делать, то делать хорошо; Если делать, то делать по большому счету*), а также оценка фигуры инициатора активности (зачастую не тождественной образу субъекта активности) и отношения субъекта к осуществляемой им деятельности (*Демократия: говоришь, что хочешь, делаешь, что велят; Жизнь вынуждает нас многие вещи делать добровольно*).

Сопоставляя информации о способах проявления активности в традиционной и новой паремике, следует подчеркнуть, что только в четверти слу-

чаев размышления касаются меры деятельности (активности-1). Гораздо чаще в провербиальном пространстве решается вопрос о том, необходимо ли действие в противовес бездействию.

Объединяет оба временных пласта паремий мысль о факультативности деятельностной активности, причем наблюдается сдвиг от простого отказа от активности (*На дело не набивайся и от дела не отбивайся!*) в сторону ее избегания (*Что бы ни делать, лишь бы ничего не делать*).

Одним из проявлений активности субъекта-человека является его перемещение в пространстве. Данные глаголы встречаются и в паремиях, где в роли формального субъекта выступают абстрактные сущности, олицетворяемые народным сознанием. Их действия, в отличие от человеческих, изображаются либо как не имеющие цели, либо как ставящие целью подчинение или присвоение субъекта-человека (*Добрая слава в углу сидит, худая слава по дорожке бежит; Беда беду родит, третья сама бежит; Трудно тому, коли беда придет к кому*). При обозначении человеческой активности, как правило, эксплицитно или имплицитно обозначается конкретный мотив и/или результат перемещения (*Лето пролежишь, зимой с сумой побежишь; Подрожжишь, так и побежишь*). Степень результативности активности ставится в зависимость от способа и интенсивности перемещения.

В §4 «Отношение носителей русского языкового сознания к необходимости проявления активности и оценка результатов активности» констатируется, что русское провербиальное пространство в его динамике позволяет выявить отношение носителей языка к необходимости проявления активности и формы его выражения.

В кругу паремий наблюдается как прямое (*Копни поглубже, найдешь погуще*), так и косвенное (*Некогда плясать, когда гроб станут тесать*) побуждение к активности или рекомендация отказа от нее (*Не за свое дело не берись!*). Значительный пласт единиц содержит скрытое побуждение к активности или пассивности в мысли, речи, практической деятельности (*Кто чарку допивает, тот веку не доживает*).

Побуждение к целенаправленному действию со значением рекомендации содержится в 995 паремиологических единицах, а паремии побудительного характера со значением прямого запрета насчитывают 416 единиц. Но при этом в паремиологическом фонде присутствует 1058 паремий со значением косвенного или скрытого запрета или более мягкой рекомендации отказаться от проявлений активности. Это изречения, указывающие на негативные последствия какого-либо вида активности, бесполезность активности, невозможность ее осуществления либо в иронической форме дающие ложный посыл к какому-либо виду активности.

Однако если традиционное сознание проявляет общую тенденцию к предостережению от неосторожной, необдуманной активности, к указанию на необходимость учитывать множество факторов, связанных со спецификой субъекта, объекта, ситуации проявления активности и непосредственно самого вида активности, что имплицитно является косвенным запретом для субъекта (*Пожалеешь лычка, отдашь ремешок; Много думать – голову кружить; Идти в науку – терпеть муку*), то для носителей современного языкового сознания актуализируется другая тенденция – к отказу от активности взамен стремления к ее проявлению (*Если насморк не лечить, то он пройдет через 14 дней. А если лечить, то всего за две недели; Сколько жену ни выбирай, все равно ошибешься; Быстро поедешь – медленно понесут*).

В **заключении** подведены основные итоги исследования и намечены его перспективы.

Дальнейшее исследование представления феномена активности в русском провербиальном пространстве видится нацеленным на решение таких проблем, как 1) выявление специфики функционирования паремий, зафиксированных в языке XIX столетия, в речи сегодняшних носителей языка (здесь значимым может быть анализ а) устной разговорной речи носителей языка, принадлежащих разным поколениям, различным субкультурам или сопоставляемых в гендерном ключе, б) речи современных политиков и общественных деятелей, во многом определяющих и формирующих общественное мнение,

в) художественной речи как воплощения философских и морально-этических взглядов креативных субъектов, влияющих на социальную позицию общества не в меньшей мере, чем политики), 2) осмысление направленности активности субъекта на окружающую среду и активности окружающей среды в восприятии человека, 3) выявление отношения к человеческой активности в провербиальных пространствах других языков для определения общих закономерностей в отношении современного человека к миру и подтверждение или опровержение специфики оценки феномена активности в сознании русских людей, сформулированной в результате настоящего диссертационного исследования.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Золотоверхая О.В. Представление мыслительной активности в русском провербиальном пространстве // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2011. – № 3. – 0,44 п.л. (перечень ВАК РФ).

2. Золотоверхая О.В. Целеполагание как одно из проявлений активности в русской паремике // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. – Вип. 20. – Кам'янець-Подільській: Аксіома, 2009. – 0,31 п.л.

3. Золотоверхая О.В. Паремии в «Голковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля // Материалы научного лексикографического семинара, посв. творческой деятельности А.Н. Тихонова. – Москва: Флинта, Смоленск: Универсум, 2006. – 0,1 п.л.

4. Золотоверхая О.В. Образ пешего передвижения в русской паремике // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. – Ч. 2. – Самара: Изд-во Самарского ун-та. – 0,2 п.л.

5. Золотоверхая О.В. Русские паремии с глаголами перемещения как средство отражения идеи активности // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: Материалы

Международ. науч. конф. – Вып. 1. – Ростов н/Д, 2007. – 0,1 п.л.

6. Золотоверхая О.В. Использование дидактической направленности пословиц при обучении студентов-иностранцев // Межрегиональная межвузовская НПК «Социализация и воспитание студенческой молодежи». – Ростов н/Д.: СКАГС, 2007. – 0,1 п.л.

7. Золотоверхая О.В. Перемещение как основа образа активности в русском сознании // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. – 0,4 п.л.

8. Золотоверхая О.В. Реализация идеи поисковой активности в паремиологическом фонде XXI века // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: Материалы Международ. науч. конф. – Ростов н/Д.: Изд-во НМЦ «Логос», 2009. – 0,3 п.л.

9. Золотоверхая О.В. Гендерные особенности проявления активности в русской паремике // Русский язык: исторические судьбы и современность. Материалы IV Международ. конгресса исследователей русского языка. – М.: МГУ, 2010. – 0,16 п.л.

10. Золотоверхая О.В. Отражение в паремиологическом фонде особенностей проявления активности в социуме // Язык как система и деятельность – 2: Материалы Международ. науч. конф., посв. 85-летию со дня рожд. проф. Ю.А. Гвоздарева. – Ростов н/Д.: Изд-во НМЦ «Логос», 2010. – 0,17 п.л.

11. Золотоверхая О.В. Репрезентация идеи активности в традиционных и современных паремиях // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Материалы Международ. науч.-практ. конф. 25 – 26 ноября 2010 г. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2011. – 0,12 п.л.